

■ ■ ■ Системно-коммуникационные аспекты военно-социологического подхода к оценке информационно-психологической безопасности военнослужащих

Икрамов Д.Б.

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

Аннотация. В данной статье на основе системного и коммуникативно-деятельностного подхода обосновываются исходные позиции определения теоретико-методологических основ формирования концептуальной модели системы информационно-психологической защиты Вооруженных Сил Российской Федерации как объекта развития и военно-социологического анализа. По замыслу автора, настоящая статья является первой в планируемой серии статей, посвященных этой проблеме, а также началом научного поиска и дискуссии о концептуальных основах совершенствования «традиционных» механизмов обеспечения информационной безопасности российской армии и социологического сопровождения реализации этого процесса. В результате проведенного анализа определена сущность и функциональная роль «информационной войны» как информационно-психологического компонента стратегии «гибридной войны», а также раскрыты ее структурные элементы как процесса реализации коммуникативных практик конкурирующими субъектами мировой политики различного уровня. На основе анализа современных методов и механизмов поражающего информационно-психологического воздействия определены: (1) уровни (контуры) системы защиты от данных угроз и (2) соответствующие этим уровням объекты безопасности, состояние которых может являться предметом военно-социологического анализа и оценки эффективности мер защиты.

Ключевые слова: информационная война, информационно-психологическая защита, морально-политическое и психологическое состояние войск, социальная активность военнослужащего, информационно-психологическая устойчивость, системно-коммуникационный потенциал

Для цитирования: Икрамов Д.Б. Системно-коммуникационные аспекты военно-социологического подхода к оценке информационно-психологической безопасности военнослужащих // Коммуникология. 2022. Том 10. № 4. С. 94-105. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-4-94-105.

Сведения об авторе: Икрамов Дмитрий Бурханович – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ. Адрес: 123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14. E-mail: d.ikramov@internet.ru.

Статья поступила в редакцию: 13.11.2022. *Принята к печати:* 09.12.2022.

Введение. Активизация информационно-коммуникационного потенциала в геополитическом противоборстве и расширение арсенала средств, сил и

методов ведения информационной войны актуализует необходимость комплексного изучения и социологического сопровождения процессов совершенствования механизмов защиты военнослужащих от угроз информационно-психологического характера. Она обусловлена, во-первых, необходимостью адаптации существующей системы информационно-психологической защиты военнослужащих к изменениям, происходящим в информационной среде, и, во-вторых, двойственностью природы войны в целом и информационной войны в частности. Это делает целесообразным рассмотрение коммуникационных структур и содержания деятельности основ информационно-психологической защиты военнослужащих с позиций социологического подхода и военного искусства, увязывая передовой опыт военно-управленческой практики и современные разработки социальной науки.

Вооруженные силы в глобальной системе информационно-психологического противоборства

Следует согласиться с мнением тех исследователей в сфере изучения концепций информационных войн, протекавших в различные исторические периоды, которые считают, что базовые принципы их разработки и развития имеют древние корни и были заложены еще в трудах выдающегося полководца и государственного деятеля Древнего Китая VI века до н.э. Сунь-цзы. Он одним из первых сформулировал базовый «информационно-психологический» принцип военного искусства: «Одержать сотню побед в сражениях – это не предел искусства. Покорить противника без сражения – вот венец искусства»¹. В сочинениях западноевропейских полководцев и военных теоретиков К. фон Клаузевица (Пруссия), Ж. Жоффра (Франция), русских – А. Суворова, М. Кутузова, П. Румянцева, П. Нахимова (Российская империя) – содержится немало оригинальных мыслей об способах морального и духовного ослабления противника, и как следствие его боевого потенциала в войне. Многие из них отмечали, что такое «оружие», не уничтожая противника физически, может сделать его слабым и нерешительным [Дубровин: 486].

В современной отечественной военной и гуманитарной науке, на основе подходов сформированных в традиции классических теорий (социального действия, социальной коммуникации, культурной антропологии, психологии) и их «сочетаний» существуют различные варианты определения понятия «информационная война». Однако, двойственный характер природы войны в целом, и информационной войны в частности, делает целесообразным рассмотрение ее структурных и содержательных основ с позиций социологического подхода и военного искусства одновременно.

---

¹ Сунь-цзы (2011). У-цзы. Трактаты о военном искусстве / Пер. с китайского, предисловие и комментарии Н.И. Конрада. М.: АСТ; Астрель; СПб.: Terra Fantastica.

В западной военной теории и практике информационная война понимается как комплексное воздействие (совокупность информационных операций) на систему государственного и военного управления противостоящей стороны, ее военно-политическое руководство, которое уже в мирное время приводило бы к принятию благоприятных для стороны-инициатора информационного воздействия решений, а в ходе конфликта полностью парализовало бы функционирование инфраструктуры управления противника [Барабаш и др.].

Толчком к такому пониманию послужили успехи войск коалиции в операции «Буря в пустыне» в Ираке (январь–февраль 1991 года), где США и их союзники впервые использовали не только новые спутниковые средства связи и наведения, но и создали при штабе командования многонациональных сил специальное подразделение, отвечавшее за все виды психологических операции. В этой связи термин «информационная война» впервые был официально введен в документационный оборот директивой TS 3600.1 Министерства обороны США от 21 декабря 1992 года. В течение последующих лет, в частности, в 1993, 1994, 1995, 1996 годах различные структуры Министерства обороны США делали попытки развить концепцию «информационной войны», но в силу высокой засекреченности темы, этого не удавалось сделать долгое время¹.

В тоже время, очевидно и то, что информационные войны рассматриваются в качестве эффективного и универсального средства достижения внешнеполитических целей путем оказания воздействия на массовое сознание международного сообщества и целевые аудитории противника, в том числе и в целях легитимизации собственных решений и действий выходящих за рамки традиционных норм международного права и конвенциональных практик международной конкурентной борьбы.

Рассматривая современный глобальный политический мир как динамичную коммуникационную систему «контуров» международных отношений, изменение которых носит, как правило циклический характер, выраженный в конъюнктурно обусловленных отклонениях: от идеального типа – «сотрудничество» к полярным состояниям, – «союз» и «противоборство». Соответственно, первым признаком структурной дифференциации, такого военно-социального феномена как «информационная война», является определение «противоборствующих политических субъектов международных отношений». К ним следует отнести: геополитические системы различного уровня (страны, международные коалиции и союзы); финансово-экономические системы (национальные и наднациональные промышленно-экономические структуры); вооруженные силы (стран, союзов, блоков).

Поля информационного противоборства: киберпространство; публичное поле (общественный дискурс национального, блокового (союзного) и международно-

---

¹ Information Warfare. Directive TS 3600.1 Information Operations (IO). U.S. Department of Defense [режим доступа]: https://archive.org/stream/DODD_S3600.1/14F0492_DOC_02_Directive_S-3600.1_djvu.txt (дата обращения: 10.09.2022).

го (внеблокового) уровней); инфраструктура системы информационного обеспечения военно-политического управления.

Объекты поражения (противника) и защиты (своих сил) – системы массовых коммуникаций различного уровня, включающих: информационные социотехнические системы управления (сбора, обработки и обобщения информации; ее хранения; передачи данных) и СМК; целевые аудитории (в том числе категории личного состава вооруженных сил противника); субъекты массовой коммуникации (в т.ч лидеры общественного мнения); информационный контент пропаганды и контрпропаганды.

Технологии информационного противоборства: информационно-технические и цифровые (применение технических средств и ПО в целях защиты и поражения); информационно-психологические (защиты и поражения); специальные (поражение/защита социотехнических объектов спецпропаганды и лидеров общественного мнения).

Цели информационных операций: стратегические и тактические (ситуативные).

Военно-политические условия проведения информационных операций: в условиях «гибридной войны», «прокси войны» (без прямого вооруженного столкновения армий противоборствующих государств) и в ходе прямого вооруженного противоборства.

Следует отметить, что методология современной информационной войны рассматривается с позиции развития и увязки методов «стратегических информационных операций» и «операций на основе эффектов» с концепцией и стратегией ведения «гибридной войны», сочетающей, в своей основе, применение всего арсенала инструментов фактического и информационного поражения элементов военно-экономического и социально-политического потенциалов противника, без вступления с ним в прямое вооруженное столкновение. В тоже время американские специалисты, относя информационные войны к деятельности, осуществляемой государством, выделяют и военный уровень ее ведения как самостоятельного планирования, определения методов и средств реализации проводимых мероприятий, которая может носить как наступательный, так и оборонительный характер [Синчук].

Выделяя «уровень военного противостояния» и рассматривая информационную войну на уровне информационного противоборства вооруженных сил (армий), необходимо представлять, что сфера социальных отношений и коммуникаций, в которую включены и воспроизводят современные вооруженные силы, очень многогранна и динамична, что обусловлено институциональной специфичностью армии и особенной социотехнической структурой ее организации.

Вся система научных исследований в вооруженных силах направлена на обеспечение ее институциональной функции – защита страны от угроз военного характера, и обеспечивающих ее задач - поддержания боеготовности и боеспособности армии и флота. Поэтому, особое внимание при планирова-

нии военно-научной работы, в том числе гуманитарной направленности, должно осуществляться в соответствии с принципом их связи с военной практикой, информационно-политической и социально-экономической стратегией государства, с таким расчетом, чтобы в конечном итоге могли быть выработаны конкретные практические рекомендации по устойчивому развитию военной организации страны и ее эффективному применению в условиях «гибридной» угрозы.

В современной концепции российской армии одним из важнейших показателей боеготовности войск (сил) обосновано считается их морально-политическое и психологическое состояние.

Под морально-политическим и психологическим состоянием Вооруженных Сил (далее – МППС), как правило, понимается совокупность личностных идейно-политических установок, морально-нравственных ценностей, поведенческих мотивов и настроений, сложившихся под воздействием системы социально-политических и психологических факторов, влияющих на моральную готовность и психологическую способность личного состава выполнять поставленные задачи.

При этом, следует полагать, что сторонники данного определения придерживались позиции Рубинштейна С.Л. в отношении понимания в нем категории «установка», который, в отличие от Узнадзе Д.Н. переносит центр тяжести с бессознательных компонентов на сознательные, личностные. Согласно его мнению, *установка личности* – это занятая ею позиция, которая заключается в определенном отношении к целям или задачам, которые стоят перед ней, что выражается в избирательной мобилизованности и готовности к деятельности, направленной на их осуществление [Рубинштейн: 685,687]. Этой же позиции, будет придерживаться и автор в ходе дальнейшего анализа. Таким образом, МППС вооруженных сил возможно представлять как результат активизации и актуализации ранее воспринятых и осознанных, внутренне принятых личным составом вооруженных сил целей государственной политики по обеспечению обороны и безопасности страны.

В условиях информационной глобализации, МППС Вооруженных Сил Российской Федерации, являясь системным показателем результативности информационно-коммуникативного функционирования национальных и зарубежных институтов, должно рассматриваться не только как объект управления (развития), но и как объект безопасности, так как в процессе явного вооруженного или латентного, «гибридного» противоборства субъектов военно-политического противостояния, становиться для противника важнейшей целью для поражения.

Ключевым и смыслообразующим стержнем «гибридной» войны является ее информационный компонент, в соответствии с которым и выверяется вся стратегия организации и применения диверсионных методов и «оружия мягкой силы». Например, на основе создания фактических или «фейковых» событий военного, экономического, политического и гуманитарного характера конструируются информационные контенты их ценностно-смысловой интерпретации, направленные на изменение массового сознания целевых аудиторий страны противника

и их потенциальных союзников. При этом, возможна технология и обратного порядка - «встраивание сценарных (фейковых) и реальных событий под требуемый информационный контент».

Таким образом, суть информационно-психологического противоборства, в контексте стремления сторон к нанесению поражающего воздействия вооруженным силам противника, заключается в изменении индивидуальных и коллективных мировоззренческих позиций и поведенческих установок в его рядах, и как следствие, активизации тех негативных военно-социальных процессов, которые приведут к дезориентации и дезорганизации управления воинскими формированиями и снижению их «боеоинтерированной» мотивации.

Элементы системы информационно-психологической безопасности вооруженных сил как объекты военно-социологического анализа

Понимание стратегических и тактических целей информационных операций противника и динамичности его системно-коммуникационного потенциала в ее реализации, обуславливают важность построения эффективной системы защиты собственных войск на основе концептуализации теоретико-методологических и технологических основ ее организации. При этом следует учитывать, что если «внешняя» защита «объекта безопасности» как подсистемы социотехнических систем, как правило, обеспечивается активными и режимными методами организационного характера и привлечением ресурсов обеих систем, то «внутренняя» обеспечивается, в первую очередь, сохранением ее свойства аутопоэзиса (по Н.Луману) и повышением уровня его устойчивости к поражающему воздействию.

Таким образом, логично предположение, что основными направлениями социологического сопровождения деятельности по информационно-психологической защите военнослужащих должны быть мониторинговые и оперативные исследования: оценки состояния социальных механизмов внешней защиты объекта информационно-психологической безопасности; оценка характеристик и эффективности мер по формированию информационно-психологической устойчивости «объекта безопасности».

Раскрывать содержание этих направлений, по мнению автора, следует через институциональные (организационные), коммуникационные и психологические механизмы формирования МППС военнослужащих, которые, в своей социальной основе заложены в современную концепцию ведения «гибридных» войн.

Как показывает анализ опыта применения методов и технологий информационно-психологического противоборства в конце XX и начале XXI столетия, а также в условиях обострения «украинского кризиса», западная концепция современной гибридной войны, в ее информационно-психологическом проявлении на уровне вооруженных сил, по мнению автора, заключается в координации следующих направлений деятельности:

- создание информационного контента «замещения» или «разрушения» ценностно-смысловой основы мотивационных установок военнослужащих, ори-

ентированных на их самоидентификацию и военно-патриотически активные формы самореализации;

- создание системы сил и средств массовой коммуникации и каналов трансляции данного контента на целевые аудитории военнослужащих, исходя из условий относительной «закрытости» их информационной среды;

- повышение уровня доверия к источникам информации, осуществляющим трансляцию этого информационного контента, что обеспечивается возможностью их верификации в альтернативных источниках информации, путем организации мероприятий по реализации или виртуализации «сценарных фактов», формирующих событийный ряд разрабатываемого информационного контента поражающего характера, а также их своевременного информационного вброса и тиражирования.

Целью такого информационного контента поражающего характера является, в первую очередь:

- снижение уровня доверия личного состава противника к своим источникам информации, «лидерам мнений», субъектам военного и военно-политического управления, на основе применения манипулятивных технологий их дискредитации и демонизации;

- снижение уровня уверенности военнослужащего: в социальной значимости своей деятельности; в собственной боеготовности; и боеготовности своего подразделения и армии в целом.

Следует отметить, что в ходе боевых действий против Ирака в 1991 году, авиация «многонациональных сил» сбросила более 30 миллионов экземпляров пропагандистских листовок с текстами, обличающими и дискредитирующими режим Саддама Хуссейна. Позже 70 % военнопленных армии Ирака подтвердили, что именно листовки побудили их сдаться в плен [Барабаш, Котеленец, Лаврентьева: 81].

В целом, вышеуказанные пункты делают очевидными те актуальные задачи контрмер, которые, конечно же, должны быть институционализированы на общественно-национальном и государственном уровнях. Но, если рассматривать МППС военнослужащих с позиции коммуникативно-деятельностного подхода, т.е. как «продукт» массовых коммуникаций трех условных информационных контуров: военно-корпоративного, национального и глобального, то, учитывая относительную информационную «закрытость» вооруженных сил и специфику их корпоративной культуры, основную часть функций «активной» и «латентной» информационной защиты целесообразно возложить на «военно-корпоративный контур». К активным формам информационно-психологической защиты можно отнести: режимные мероприятия, военно-политическую цензуру, контрпропаганду и мероприятия административного контроля, надзора и воздействия. Латентные формы такой защиты могут быть «встроены» в процессы военно-профессиональной подготовки, образования и другие институциональные формы ресоциализации военнослужащих. В комплексе, эти процессы должны быть направлены на повы-

шение уровня доверия военнослужащих к субъектам военного управления и массовой коммуникации, как национального, так и военно-корпоративного уровней, а также укрепление информационно-психологической устойчивости самих военнослужащих. Соответственно, МППС вооруженных сил (войск), следует рассматривать не просто как показатель совокупной оценки личностных установок и оценочных мнений различных групп военнослужащих, полученный в результате их самодиагностики и тестовых опросов, но и как системно-коммуникационную характеристику (совокупный системно-коммуникационный потенциал) вооруженных сил, в их способности поддерживать воспроизводство коммуникационного, информационно-аналитического и морально-нравственного потенциала к сохранению устойчивости этих состояний в условиях агрессивной информационно-психологической среды, в том числе выраженной и в показателях «объективной фиксации» их поведенческого проявления в экстремальных ситуациях и условиях боя.

Системно-коммуникационный потенциал, в данном контексте, следует понимать как агрегированный показатель вооруженных сил (как социально-коммуникационной системы), включающий совокупность всех имеющихся ее возможностей (в том числе ее подсистем) транзактной передачи информации в виде интеллектуальных сигналов, знаков, символов от человека к человеку [Левкина: 60], а также между «кластерами» систем макро- и микроуровня, обеспечивая их способность эффективно обмениваться информацией, сохраняя целостность, достигая цели и поддерживая доверительные отношения с внешним окружением (кластера), его жизнеспособность (самовоспроизводство) и развитие.

Таким образом, рассматривая МППС вооруженных сил (войск) как системно-коммуникационный показатель их устойчивости с одной стороны и как объекта управления и информационно-психологической безопасности с другой, военно-социологический анализ должен осуществляться в трех ключевых аспектах:

- *организационный* – экспертно-аналитическая оценка системно-коммуникационного потенциала военно-корпоративной системы и соответствия ее организационных, кадровых и технических характеристик существующим и потенциальным угрозам и вызовам;

- *субъективно-рассудочный* – оценка состояния сформированности ценностно-смысловых установок военнослужащих к социально активным формам самореализации в сопричастной деятельности тех институциональных образований, с которыми он себя идентифицирует;

- *объективно-поведенческий* – социальные практики, модели коллективного поведения и поступки военнослужащих, характеризующие устойчивость этих установок в эмоционально-волевом механизме их проявления в условиях экстремальной и агрессивной информационно-психологической среды.

Основой теоретического обоснования выделения этих уровней, так же является и системно-коммуникативный подход Н. Лумана, к пониманию «социальных систем». Ключевым свойством системы является – аутопоэзис, и именно

это свойство, согласно его мнению, делает возможным создание некой универсальной теории, поскольку оно задает принцип устойчивого функционирования системы как таковой. При этом, под аутопоэзисом понимается способность системы к воспроизводству самой себя из своих же ресурсов [Луман 2004].

В тоже время, одной из главных теоретических предпосылок для него является различение системы и внешней среды, где именно системная референция общества в дальнейшем делает необходимым переосмысление понятий «познания» и «знания» [Луман 2016: 59]. Но, работая с системами смысла, в отличие от исследователей, занимающихся живыми системами, он «раскрывает» это свойство через конструктивистское понимание ключевых для научной системы коммуникации понятий «знания» и «истины». Сущность знания, для Лумана двояка: с одной стороны, оно представляется собой череду сообщений, а с другой – относится к переживаниям. Однако очевидной является ключевая роль коммуникации в выработке нового знания, которая может быть обозначена следующим образом: «“Истина” и “новизна” суть понятия коммуникативные, а корни коммуникации уходят в глубины антропогенеза» [Касавин].

Здесь необходимо отметить, что если методологическая основа изучения и оценки факторов организационного (институционального) уровня обеспечения информационно-психологической безопасности вооруженных сил базируется, прежде всего, на парадигмах социологических теорий: социальных систем, массовых коммуникаций, социальных организаций и институтов, то исследования «второго аспекта» необходимо проводить на основе, не только «традиционных» социально-психологических исследований, но и методов основанных на возможностях мультипарадигмального подхода. Так, например, разработка и внедрение эффективных социальных технологий информационно-психологического воздействия и противодействия, должна осуществляться, в том числе, и на основе результатов их семиосоциопсихологического анализа. Развивая это направление на основе синтеза знаний о социальной коммуникации, накопленных в языкознании, психологии, социологии, культурологии и социальной семиотике, могут быть выработаны приемы изучения и диагностики интерпретационных, информативно-прагматических свойств текста (как содержания информационного контента), с одной стороны, и существенных для ведения «диалога» интеллектуально-мыслительных особенностей личного сознания, менталитета, партнеров по общению – с другой.

В связи с этим, такая концептуальная основа формирования арсенала аналитического инструментария, должна позволять двигаться к постижению проблем коммуникации не от механизмов, форм и структуры речи (речевой деятельности), а от содержания и механизмов идеационно-творческой (сенсорно-интуитивной и интеллектуально-мыслительной) активности человека как особого состояния сознания, актуализируемого и воспроизводящегося в социокультурной среде с помощью и благодаря коммуникации [Базылев: 205].

Такая позиция дает нам основание выделять социальные группы не только по социально-демографическим и статусно-ролевым основаниям, но и по семиосоциопсихологическим, что, в свою очередь, позволит на этапе разработки контента определять необходимое эмоциональное и ценностно-смысловое содержание коммуникативно-познавательных единиц для большинства выделенных целевых групп. Это позволяет нам говорить о перспективах еще одного, четвертого аспекта комплексного, военно-социологического анализа системы информационно-психологического управления процессом формирования МППС военнослужащих ВС РФ.

В заключение необходимо отметить, что предлагаемые исходные «социолого-ориентированные» позиции к формированию теоретико-методологических основ комплексного системно-коммуникационного и деятельностного подхода, позволяет определять направления и проблематику актуальных военно-социологических исследований в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности военнослужащих ВС РФ. Однако, для раскрытия содержания и оценки эффективности самого механизма формирования информационно-психологической устойчивости военнослужащих, необходимо, опираясь на концептуально релевантные теоретические конструкты и операционализацию основных понятий определить и обосновать ключевые (базовые) референтные индикаторы его социологической оценки. Раскрыть свое видение в решении этой научной задачи автор планирует в очередной научной статье, посвященной концептуальным основам военно-социологического анализа и оценки информационно-психологической защищенности военнослужащих.

Источники

Базылев В.Н. (2008). Перевод в семиосоциопсихологической теории коммуникации Т.М. Дридзе // Ментальность. Коммуникация. Перевод. Сб. статей памяти Федора Михайловича Березина (1931-2003) / Отв. ред. и сост. Раренко М.Б.Сер. Теория и история языкознания. С. 196-212.

Барабаш В. В., Котеленец Е. А., Лаврентьева М. Ю. (2019). Информационная война: к генезису термина // Знак: проблемное поле медиаобразования. №3 (33). С. 76-89.

Дубровин Н. (1882). Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). Спб.: тип. Имп. Акад. наук.

Касавин И.Т. (2013). Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // Вопр. философии. № 6. С. 46-57.

Левкина Л.И. (2013). Коммуникативный потенциал – исследование понятийно-терминологического аппарата // Коммуникология. №2. С. 51-64.

Луман Н. (2016). Истина, знание, наука как система. М.: Логос.

Луман Н. (2004). Общество как социальная система. М.: Логос.

Рубинштейн С.Л. (2002). Основы общей психологии. СПб: Питер.

Синчук Ю.В. (2018). Информационная война в современных условиях // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. №1-2. С. 189-192.

Directive TS 3600.1 Information Operations (IO). U.S. Department of Defense [режим доступа]: https://archive.org/stream/DODD_S3600.1/14F0492_DOC_02_Directive_S-3600.1_djvu.txt (дата обращения: 10.09.2022).

■ ■ ■ System-Communication Aspects of the Military-Sociological Approach to the Assessment of Information and Psychological Security of Russian Army

Ikramov D.B.

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Abstract. The paper is dedicated to substantiation of the starting positions for determining the theoretical and methodological foundations for the system of information and psychological protection of the Armed Forces as an object of development and military sociological analysis. This study is the first in a planned series of articles devoted to this problem, as well as the beginning of a scientific discussion about the conceptual foundations for improving the “traditional” mechanisms for ensuring the information security of the Russian army and sociological support for the implementation of this process. As a result of the analysis, the author determines the essence and functional role of the information war as an information and psychological component of the hybrid war strategy, and reveals its structural elements as a process of implementation of communicative practices by competing subjects of world politics at various levels. Based on the analysis of modern methods and mechanisms of damaging information and psychological impact, the following are determined: (1) levels (contours) of the protection system against these threats and (2) security objects corresponding to these levels, the state of which may be the subject of military sociological analysis and evaluation of the effectiveness of protection measures.

Keywords: information warfare, information and psychological protection, moral, political and psychological state of the troops, social activity of serviceman, information and psychological stability, mass communication system

For citation: Ikramov D.B. (2022). System-communication aspects of the military-sociological approach to the assessment of information and psychological security of Russian army. *Communicology (Russia)*. Vol. 10. No. 4. P. 94-105. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-4-94-105.

Inf. about the author: Ikramov Dmitry Burkhanovich – CandSc (Soc.), lecturer at the Department of Sociology, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Address: 123001, Russia, Moscow, B. Sadovaya str., 14. E-mail: d.ikramov@internet.ru.

Received: 13.11.2022. *Accepted:* 09.12.2022.

References

- Bazylev V.N. (2008). Translation in the semiosocial-psychological theory of communication by T.M. Dridze. In: *Mentality. Communication. Translation. Coll. papers in memory of Fyodor Mikhailovich Berezin (1931-2003)* / Ed. Rarenko M.B. Ser. Theory and history of linguistics. P. 196-212 (In Rus.).
- Barabash V. V., Kotelenets E. A., Lavrentieva M. Yu. (2019). Information war: to the genesis of the term. *Sign: the problematic field of media education*. No. 3 (33). P. 76-89 (In Rus.).

Directive TS 3600.1 Information Operations (IO). U.S. Department of Defense [access mode]: https://archive.org/stream/DODD_S3600.1/14F0492_DOC_02_Directive_S-3600.1_djvu.txt (accessed: 10.09.2022).

Dubrovin N. (1882). Patriotic war in the letters of contemporaries (1812–1815). St. Petersburg: Imp. Acad. Sciences (In Rus.).

Kasavin I.T. (2013). Knowledge and communication: to modern discussions in analytical philosophy. *Vopr. filosofii*. No. 6. P. 46-57 (In Rus.).

Levkina L.I. (2013). Communicative potential – a study of the conceptual and terminological apparatus. *Communicology*. No. 2. P. 51-64 (In Rus.).

Luman N. (2016). Truth, knowledge, science as a system. M.: Logos (In Rus.).

Luman N. (2004). Society as a social system. M.: Logos (In Rus.).

Rubinshtein S.L. (2002). Fundamentals of General Psychology. SPb: Peter (In Rus.).

Sinchuk Yu.V. (2018). Information war in modern conditions. *Greater Eurasia: development, security, cooperation*. No. 1-2. P. 189-192 (In Rus.).